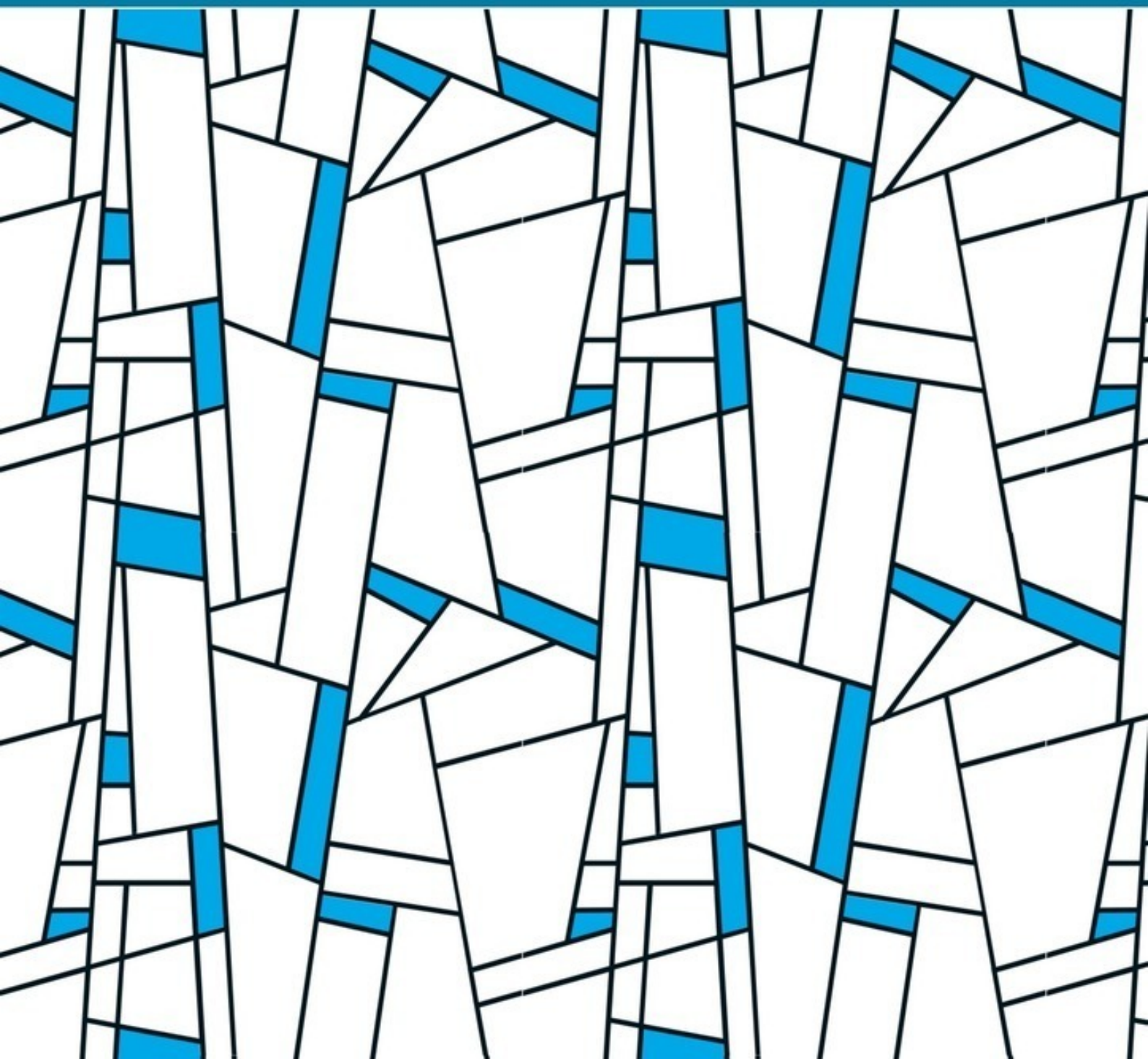

Надежда Никитченко

Цзя

Надежда Никитченко

Цъя

«Издательские решения»

Никитченко Н.

Цзя / Н. Никитченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857480-1

Небольшая новелла о странном мире, где нет плохих и хороших героев, где механизмы подчинились законам природы, а люди их забыли. Кто-то хочет выжить, а кому-то нужно понимать — зачем.

ISBN 978-5-44-857480-1

© Никитченко Н.
© Издательские решения

Содержание

Цзя	6
Шагач	8
Путь домой	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Цзя

Надежда Никитченко

© Надежда Никитченко, 2017

ISBN 978-5-4485-7480-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цзя

Черные маслянистые капли дождя стекали по стеклу. Она выставила из-под козырька остановки маленькое жестяное ведро и съезжилась обратно под полиэтилен. Маленькая, сутулая, грязная – зверек с остатками разума. На стене остановки пестрели обрывки плаката: улыбающаяся белокурая женщина держит в руках белую чашку с черной густой жидкостью и втягивает носом белые струйки нарисованного аромата.

Дождь кончился. Цзя взяла ведро и поднесла к носу, поглядывая на плакат. Сморщила нос и показала женщине с плаката язык. Потом аккуратно слила воду из-под маслянистой черной жижи в ковшик и поставила на переносной примус. Вода была желтоватой, имел маслянистый привкус, но это была вода. Оставив ковшик, Цзя подошла к разбитому киоску. Тот, кто его разбил, сделал это не ради добычи, а ради баловства. Она взяла белую пачку с красным знаком на картонке, зубами сорвала защитную пленку. Внутри плотно лежали хрупкие белые палочки. Она подошла к закипевшей воде и раскрошила одну из них в ковшик. Потом выключила примус, перелила жидкость в щербатую чашку. Понюхала. Пахло мерзко. Она еще раз показала язык женщине на плакате и начала мелкими глотками пить горячую воду с табаком.

Земля чуть дрогнула, ее зубы клацнули о край чашки. Асфальт перед остановкой покрылся мелкими трещинами, вспучился и выпустил острый ножевидный лист. Цзя отставила чашку и присмотрелась. За первым листом потянулся второй, потом третий. Прямо у нее на глазах из асфальта вытянулся жестяной цветок. Поднявшись на суставчатой ножке, цветок раскрыл бутон, в воздухе запахло газом. Цзя хмыкнула, полезла в киоск, достала зажигалку. Аккуратно подошла к цветку и высекла искру. Цветок оделся синим венчиком пламени. Цзя удовлетворенно хмыкнула и вернулась на остановку допивать табачай.

Слева в зарослях бамбуковых антенн послышался характерный скрип осей. Цзя медленно, стараясь не совершать резких движений, огляделась вокруг. Недалеко лежала перепутанная бухта толстых высоковольтных кабелей. Цзя ехидно глянула в сторону вероятного противника и начала медленными тягучими движениями перемещаться так, чтобы между ней и антеннами оказались кабели. С карниза на голову шлепнулась жирная черная капля, но Цзя не обратила на нее внимания. Капля медленно стекла по виску, пока не добралась до шеи и не скрылась под полиэтиленовым балахоном. Дойдя до намеченной точки, Цзя остановилась и выпрямилась в полный рост. В антеннах зафыркало. Она подобрала обломок асфальта и бросила его в заросли. Потом пронзительно свистнула.

Послышалось ворчание и треск. Цзя нетерпеливо почесала шею, по которой стекла капля, размазав нефть по коже, и нарочно громко рыгнула. Из зарослей вылетел, скрипя колесами, ржавый хищник. Тут кабели, как змеи, взвились вверх, стиснув ржавую стальную тушу. Цзя отскочила за ближайший столб, чтоб не получить случайно по шее. Кабели, тем временем, раздирали хищника на запчасти. Уже оторвали бампер, и теперь жадно присосались к аккумулятору. Хищник жалобно скулил, но вскоре заглох. Кабели, напившись, тоже затихли. Цзя, убедившись, что противники не двигаются, подошла к ним. Заднее сиденье хищника было обтянуто добротной, почти не попорченной, кожей. Цзя вытащила нож и как могла аккуратно срезала обшивку с сидения. Приближалась зима, а в целлофане зимой очень холодно. Срезав обшивку, она поковырялась немного в бардачке, вытащила оттуда зажигалку без газа, закрыла немного колесико и отбросила в сторону. Какие-то бумажки, книжки и кассеты она глумливо скормила жестяному цветку.

На запах горелой бумаги прилетели жухелицы. Вскоре воздух наполнился гудением. Они кружились вокруг цветка, стараясь заполнить резервуары еще не выгоревшим газом. Цзя осторожно подошла. Жухелицы не обратили на нее внимания. Цзя подобрала с пола камешек и попробовала попасть по жухелице, но их движения были слишком порывисты и непредска-

зумы. Тогда Цзя взяла палку и, поймав момент, толкнула зазевавшуюся жужелицу в то место, где лепестки цветка из синего переходят в оранжевое. Жужелица вспыхнула и черной оболочкой упала на асфальт. Цзя палочкой пододвинула ее к себе. Остальные как будто и не заметили пропажи. Цзя обтерла от копоти поджаренную жужелицу и, отломив ножку, откусила кусочек. Это была вкусная жужелица. Покончив с первой, Цзя пошла добывать вторую. Съев вторую, она почувствовала, что больше не может.

Под козырьком остановки ждал табачный чай. Она допила остывшую жижу. Подумав, что заготовить жужелиц было бы неплохо, ведь приближается зима, она методично поджарила всех прилетевших и насколько могла аккуратно сложила их на остановке.

Сытая и довольная, она поплясала немного на оторванной крыше хищника, радуясь гулкому звуку и посыпая себя пеплом сожженных документов и плаката с улыбающейся женщиной.

Умаявшись после танца, она присела на остановке. Подташнивало – вторая жужелица была лишней. Наконец вырвало ядовито-зелеными кусочками. Вытерев рот, она отдышалась, и, решив, что это плохое место и плохие жужелицы, взвалила на плечо примус, и пошла по шоссе туда, где хищник проторил колею в лесу антенн.

Антенны росли прямо из асфальта, перегораживая трассу. Их суставчатые тела, гибкие и полые, легко гнулись и плохо ломались. Если бы не хищник, ей бы никогда не преодолеть этот лес. Она шла, неся на плече примус, и думала, насколько опасно обзаводиться берлогой на зиму. С одной стороны, в прошлую зиму она прожила без берлоги, и чуть не погибла от холода и голода. А что было позапрошлую зиму, она уже не помнила. Весной, конечно, берлогу нужно будет бросать. Но вот на зиму...

Шагач

Цзя всегда было интересно, куда идут шагачи. Это случалось каждую осень – кто-то из них поднимался, тяжело вытаскивал из земли или асфальта свои массивные ноги, и шел. Куда шел? Почему осенью – Цзя не знала, но ей было очень любопытно. Иногда она находила целые просеки, протоптанные мигрирующими шагачами.

И вот однажды, бредя по городу без особой цели, она увидела его, шагающего шагача. Высокий ажурный треугольный силуэт, увенчанный развесистыми рогами, отчетливо выделялся на фоне низкого холодного осеннего неба. Не раздумывая, Цзя бросилась вдогонку. Он шел грузно, тяжело, раскачиваясь на ходу. С оборванных проводов сыпались искры, вокруг керамических патронов плясало голубоватое пламя высокого напряжения. Цзя догнала шагача и какое-то время трусила рядом, не решаясь прыгнуть – ее сильно беспокоил запах озона.

Хотя она знала что в принципе, шагачи миролюбивы, ей было не по себе, наконец она обогнала его, забралась на какой-то отдельно стоящий подоконник, и как только в оконной раме показался он, прыгнула. Шагач был теплым, на нем приятно пахло, неторопливо качало, и Цзя почувствовала покой. Она знала, что, окруженная высоким напряжением, она в безопасности. Шагач ее даже не заметил – его неудержимо влекло куда-то. До заката она ползала по стальному скелету шагача, удивляясь гармоничности и пропорциональности его конструкции. Потом, залезла на самую вершину и с нее наблюдала, как солнце садиться в далекое море.

Шагач шел на закат. Шел неторопливо и уверенно, окрестности известного города давно остались позади, потом позади остался и неизвестный город. Цзя забеспокоилась. Шагач шел по грудь в каких-то неизвестных ей конструкциях, золотых, алых, шелестящих. Пахло чем-то одуряющим и щемило в брюхе – Цзя не любила этого ощущения, однако слезать не торопилась. Любопытство было сильнее страха.

К утру следующего дня в воздухе запахло солью – шагач приближался к морю. Цзя никогда раньше не видела моря. Оно казалось черным и маслянистым, на тяжелых низких волнах лежали разноцветные пузыри пены. Вдоль берега, на разном расстоянии, стояли шагачи. По мнению Цзя они все были мертвы. Их руки-провода безжизненно свисали в море и не искрились. Одни стояли, наклонившись друг к другу, другие опирались на упавшие остовы. Прибой гулко и протяжно выплевывал и втягивал волны сквозь металлические кружева мертвых тел.

Цзя засуетилась. Она взобралась на самую верхушку своего шагача и принялась кричать, чтоб он поворачивал, пробовала дергать за провода, как дергают взбрыкивающую лошадь, но шагач не обращал на нее никакого внимания. Он упрямо шел к берегу. Наконец первая опора вступила в полосу маслянистого прибоя, потом вторая. Потом все четыре конечности погрузились в воду. Он все шел и шел – вода поднялась до первого яруса, Цзя влезла выше. Он продолжал идти. Вода закружилась уже вокруг крестовины второго яруса, синие искры заплясали по волнам. Он все шел. Цзя не на шутку забеспокоилась. Ей совсем не хотелось окунаться в эту холодную вонючую непрозрачную жидкость. Вдруг резкий толчок – Цзя едва успела ухватиться за опору – шагач стал. Очевидно, зацепился за что-то на дне. Дернулся еще раз, и начал крениться вперед, и упал бы, не упрись развесистыми своими рогами в другого горемыку. Провода бессильно опустились в воду, он еще раз дернулся, и замер. Цзя раздраженно ударила ладонью по металлическому скелету.

Некоторое время она посидела на остывающем острове. От скуки стала отколупывать куски ржавчины и бросать их в воду. Ржавчина падала на тяжелые волны, некоторое время бессильно качалась на поверхности, а потом как-то сразу скрывалась под водой. Ржавчина быстро надоела. Оглядевшись, Цзя заметила тяжелые фарфоровые головки на рогах шагача. Вскрабкавшись наверх, она с трудом скрутила их и, усевшись на ближайшей к воде перекладине, стала

швырять их в воду. Вдруг вода под ногами Цзя пошла крупными пузырями, она едва успела поднять пятки, как под ней, показывая зазубренный спинной гребень мелькнула гладкая стальная спина. Развернувшись, тварь пошла в атаку. Цзя забралась повыше и, прицелившись, запустила фарфоркой в тварь. Удар пришелся в самый гребень. Что-то в воде утробно взревело, и вслед за гребнем показалась стальная клинообразная пасть, зубы-пилы бешено вращались, разбрызгивая тяжелую воду. Тварь подпрыгнула, уцепилась пастью в ребро шагача, полетели искры. Спустя мгновение тварь ушла в воду, унося с собой кусок стального ребра. Через мгновение плавник показался вновь и начал сужать круги вокруг опоры.

Цзя поняла, что пора удирать. Кинув последнюю фарфорку через плечо, она перескочила на соседнего шагача. За спиной послышался всплеск и разъяренный скрежет. Не ожидая конца спектакля, Цзя поспешила к берегу. Перепрыгивая с остова на остов, она уверенно добралась до каменного пирса. Последний шагач рухнул в воду прямо с пирса, и две ноги выгодно зацепились за ноздреватый бетон. Став на пирс, Цзя оглянулась. Ее шагач угрожающе качался. Окружавшие его остовы тоже ходили ходуном, а черная тварь рычала, разбрасывала искры и пускала липкие черные фонтаны.

Став на пирс, Цзя оглянулась. Просека, протоптанная ее шагачом, четко показывала, куда идти. Опускалась ночь. В портовой зоне кто-то начал протяжно и глухо подвывать. Поежившись, Цзя решила двигаться.

Стоило ей выйти на шагачью тропу, как инстинкт подсказал лечь. Цзя зарылась носом во влажный песок, над головой что-то свистнуло. Она перекатилась на спину. Черный серповидный силуэт делал круг, явно готовясь ко второму заходу, тут ее нагнала звуковая волна. За силуэтом в небе оставался реактивный след. Метнувшись под укрытие пирса, Цзя огляделась. На маяке отчетливо висело гнездо, сплетенное из стальных прутьев. Временами в гнезде вспыхивал свет, потом гас, потом вновь вспыхивал.

Цзя выругалась. Реактивные серпицы всегда охотились колониями. Это значило, что скоро здесь будет целая стая. Ждать было нельзя, серпицы прекрасно ориентировались на тепловое излучение. Однако радиус их поля охоты не превышал радиуса действия передатчика, стоящего в гнезде. Цзя еще раз выглянула: гнездо было громадным, это беспокоило. Варианта было два: бежать как можно быстрее в сторону, противоположную маяку, и надеяться, что реактивная серпица ошибется с углом атаки, или же пробраться в гнездо и повредить передатчик. Тогда серпиц можно брать живьем, ... и съесть. При мысли о еде у Цзя забурчало в желудке. Почесав кончик носа, она еще раз выглянула из-под пирса.

Вокруг гнезда кружило уже пять силуэтов. Опускались сумерки, от песка начало тянуть сыростью. Цзя представила себе отбивную серпицу и начала продвигаться вдоль пирса к подножью маяка. Не ожидая атаки с земли, серпицы кружили над прибрежной зоной. Прикинув дальность полета, Цзя решила, что все равно не успела бы убежать – передатчик был слишком силен. Подняв с песка стальную трость, выпавшую из гнезда. Цзя метнулась в разверстую пасть маяка. Внутри стоял красноватый сумрак, слышалось басовитое гудение.

Винтовой лестнице наверх уже давно не было, однако фермы, поддерживающие гнездо снаружи, позволили Цзя забраться наверх. Не касаясь стен, Цзя добралась до источника гудения. Передатчик был большой, старый. Плотный кожух его уже местами потрескался, и наружу торчали соблазнительные проводки. От него несло жаром и запахом подгорающей проводки. Цзя поняла, что старый хрыч решил расширить сферу влияния, и тужиться из последних сил, не замечая ее прихода.

Обойдя передатчик, она заметила панель управления. Городские гнезда серпиц всегда защищались, и пульт управления старались прятать как можно лучше. Здесь же, в дикой прибрежной зоне, старый передатчик совсем обленился и расслабился. Показав кожу хвоста, Цзя начала вертеть регуляторы и щелкать тумблерами. Гнездо наполнили шумы помех, шелест, скрежет и вой прямого эфира. На какой-то волне Цзя поймала веселенькую песенку, потом кто-

то что-то громко прокричал, потом снова песенка, другая. Заметив, что передатчик забеспокоился, Цзя вернулась к главному кожуху и выглянула сквозь щели гнезда. Серпицы носились как угорелые, тыкались в прутья, сталкивались друг с другом, вспыхивали и падали. Полюбовавшись зрелищем паники, Цзя поудобней перехватила арматуру и подошла к передатчику. Песенка лилась, чей-то сладкий голосок заливал в уши мед и патоку. Цзя мерзко ухмыльнулась и поддела кожух... Вскоре все было кончено. Из разбитого тела передатчика торчали разноцветные капилляры проводов, ламповый мозг был растерт в мелкие осколки. Утерев пот, Цзя еще раз выглянула наружу – вдали красными точками мелькали огоньки освободившихся серпиц – стая разлеталась.

До следующего передатчика, – подумала Цзя на стала спускаться вниз. Вокруг башни валялось несколько сбитых серпиц. Оббив их хорошенько о камни, чтобы снять жесткую, пропахшую реактивными выхлопами кожу, Цзя вытащила питательную сердцевину. В маяке было тепло, относительно сухо, почти безопасно. Поужинав, Цзя выбрала себе удобное местечко и уснула. Утром предстоял долгий и опасный путь домой.

Путь домой

Проснувшись, Цзя доела оставшихся серпиг и тронулась в путь. Тропа шагача шла через лес. Небо, расчистившись, смотрело на Цзя первобытной голубизной. Воздух был прохладен и по-осеннему прозрачен. Полузабытые запахи опять потревожили ее память. Прелая листва чуть слышно шелестела под ногами, тонкие ветки похрустывали, лапы кустов шуршали по полиэтиленовому балахону. Видимо, ночью прошел дождь, и на нос Цзя с веток время от времени капали прозрачные, чуть горьковатые капли.

Все было непривычным. Голубое небо, прозрачные воздух, яркие осенние краски, особая лесная тишина. Иногда ветер проносился по верхушкам деревьев, и они согласно раскачивались, шумя. Тогда свет и тень начинали метаться перед глазами Цзя и она испуганно замирала.

Все казалось ей незнакомым, а потому враждебным. Всюду чуяла она ловушку, и интуиция, столько раз спасавшая ее в городе, сама металась в панике и не помогала. Там, где шагач проходил легко, Цзя приходилось трудно. Комья земли, вывороченные кусты, в одном месте путь шел через болотистую речушку, и Цзя совсем выбилась из сил, пытаясь продраться через сухой камыш, не замочив ног. Ноги она все-таки замочила, а когда взобралась-таки на сухой бугорок и огляделась, след шагача куда-то пропал. А как интересно было ехать на шагаче поверх этого сухого моря и сшибать плотные коричневые головки. Одну такую головку усталая Цзя попробовала съесть. Головка разлетелась легким пухом. Не съедобно.

Механически тормоша головку, Цзя смотрела на свою тропинку, проторенную в камыше, и думала. Идти обратно ей совершенно не хотелось, как найти след шагача она не представляла. Ей, привыкшей ориентироваться в городе, с его четкими проспектами, с геометричным лабиринтом улиц и с простыми понятными законами здесь, в первобытном лесу, было неуютно, прямо сказать – страшно.

Она потянула носом воздух. Сквозь горький запах палой листвы и холодный аромат осенней воды пробивался знакомый запах асфальта. Она принялась тщательней – не могло быть сомнения – где-то была асфальтированная дорога. Дорога могла идти только в город.

Дорогу она нашла довольно скоро. Раньше это была широкая магистраль, соединяющая порт и город, сейчас деревья плотно нависли над ней, обочины были поглощены густым подлеском и палой листвой. Цзя пошла по дороге.

Дорога привела ее к разрушенной плотине. Когда-то здесь запрудили реку, а через реку по краю плотины сделали мост, но эти времена давно миновали. Цзя подумала, что если бы остатки плотины были в городе, там наверняка бы что-то жило. Интересно, что живет в лесу? Она осторожно вышла на берег. Река упиралась в плотину, лениво переливалась через торчащие стальные зубы, и с легким говорком стекала по бетонной стене вниз, в тихую заводь, погруженную в полумрак. Цзя напряглась, стараясь уловить угрозу, но ничего не почувствовала. Ее инстинкты пасовали в разноголосице леса.

Решив, что раз она ничего не чувствует, значит ничего нет, она ловко вскочила на остатки плотины и побежала на другой берег, почти не балансируя руками. Вода блестела в лучах холодного осеннего солнца. В тех местах, где плотина утолщалась бетонными сваями, она приостанавливалась, прислушиваясь и приглядываясь. На последней свае она замерла, присев на корточки и оперев руки в покрытую живой водой бетонную поверхность. Этот столб был ниже других, и вода хлестала через него беспрепятственно.

На другом берегу кто-то был, и этот кто-то только что пронзительно свистнул, а потом заплодировал. Ей навстречу из кустов вышел человек. Он смотрел на нее с восхищением и завистью.

– Здорово ты, как водомерка – раз-раз-раз, и тут уже. Не страшно?

– Я ем страх, – Цзя выпрямилась, ткнув себя в грудь большим пальцем.

– Здорово. Иди сюда, а то ноги промочишь.

Цзя посмотрела на ноги, обмотанные кусками целлофана поверх какого-то тряпья, и прыгнула на берег. Мальчик восхищенно выдохнул. Он протянул ей руку:

– Меня Урбанис зовут.

Она посмотрела на раскрытую ладонь и коснулась своего носа:

– Цзя.

– Здорово, а я тут рыбу ловлю. Только она не ловится. Есть пара карасиков, я как раз жарил – хочешь?

Цзя недоверчиво посмотрела на мальчика и протянула ему последнюю серпицу. Они спустились вниз, здесь река распадалась на множество ручейков, протоков, стариц и просто болотца. Урбанис насадил на прутики три небольшие рыбки и воткнул их в землю так, чтобы рыбки оказались над костром. Потом повертел в руках серпицу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.